

ЗИНАИДА ГИППИУС

ПЕРЛАМУТРОВАЯ
ТРОСТЬ

Зинаида Николаевна Гиппиус
Перламутровая трость
Серия «Мемуары Мартынова», книга 9

Аннотация

«Писал любовные мемуары. Бросил. Все какие-то случайные анекдоты, короткие. А ведь бывало же посерьезнее? Попробуем. И чтоб краткостью не соблазняться, но чтоб не надоедали и подробности, а писать искренно и старательно. Долгих подступов к истории тоже не побоюсь...»

Содержание

I. Бабушка	5
II. Чужая история. Начало	6
III. Драма и трагедия Франца	8
IV. Продолжение	11
V. Продолжение	17
VI. Вечер в Рах	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Зинаида Гиппиус

Перламутровая трость

(Опять Мартынов)

Писал любовные мемуары. Бросил. Все какие-то случайные анекдоты, короткие. А ведь бывало же посерьезнее? Попробуем. И чтоб краткостью не соблазняться, но чтоб не надоедали и подробности, а писать искренно и старательно. Долгих подступов к истории тоже не побоюсь.

I. Бабушка

Случилось это в годы, когда я был женат на моей бабушке.

Бабушка к истории отношения прямого не имеет. Упомяну наскользь, ради отношения очень непрямого, – дальше видно будет, какого. А про женитьбу скажу только, что был момент, когда мне нужно было оказаться «женатым», иначе хоть в петлю. Почему – неинтересно. Вот она тогда и выручила меня, дорогая моя покойная бабушка (я ей троюродным внучатым племянником приходился, но с детства любил, уважал и бабушкой звал). У нее, в Долгом, в Тамбовской губернии, мы и обвенчались утречком рано, а после, днем, я уехал. Почти что прямо опять в Германию.

Вот, собственно, и все. Теперь будет новый подступ, длинный, в виде целой истории: чужой, не моей, но для моей ее приходится рассказать.

II. Чужая история. Начало

Франц фон Галлен.

Самый мой близкий друг, даже единственный друг среди кучи приятелей, студентов Гейдельбергского университета.

Старше меня, – ну, положим, я-то был тогда чуть не самым юным из всех студентов. Никогда я не думал, что такого (современного) немца могу встретить. Знали, были прежде, но живого не надеялся увидеть. Был очень немец (из хорошей, старой немецкой семьи, чрезвычайно, притом, богатой), и окружало его какое-то нежнейшее обаяние. Мечтательной тишины – соединенной с острой мыслью, всегда глубокой. Писал, конечно, стихи (мне они казались прекрасными, не хуже Новалиса) и серьезно занимался философией.

С философии сближение наше началось; потом уж пошло дальше.

И с виду Франц мне казался таким, каким должен бы, по моему представлению, быть или молодой Шеллинг, или тот же Новалис, – кто-нибудь из дорогих мне прежних немцев; я их обожал. От плотного бурша в нем – ничего. Какие глаза, с голубыми блесками! Тонкий, даже слишком тонкий стан. Рисунок губ немножко беспокоил: розово-нежные, складывались они с какой-то трогательной беспомощностью.

Мы стали неразлучны. У меня не было от него тайн. У него, я думал, тоже. Отношения идеальной дружбы. Как Тик

и Вакенродер, восторженно вспоминал я.

Никакого оттенка старшинства в его дружбе не было. Только временами, неожиданно, проявлялось в ней что-то не совсем понятное для меня; какое-то нежно-ласковое отдаление, словно бережность по отношению ко мне.

Но я и не задумывался над этим.

Потом мы расстались. И потекли годы. Разделили нас? И да, и нет. За эти годы я несколько раз видел его, возвращаясь в Германию; но не это, а наша, не всегда частая, но постоянная переписка сблизили нас... и совсем по-новому. Ушла юная, гейдельбергская восторженность, – Бог с ней! Я узнал Франца, как он есть, и, по-человечески, верно, привязался к нему. Я, впрочем, вообще верен.

Потому, когда пришло это последнее письмо, где он звал меня приехать, хоть ненадолго, – я не задумался. Давно его не видал, но то, что случилось с ним года два тому назад, – знал. Теперь Франц зовет меня. Зовет успокоенным, почти веселым письмом. Но все-таки зачем-то я ему нужен? Поеду.

И поехал.

III. Драма и трагедия Франца

Сквозь глициниевый покров, бледно-сиреневую сетку, шелковистую – ядовито-зеленое Ионическое море. Высокое. С муаровыми лесами ближе к скалам. А больше ничего. Направо и налево от веранды – буйно заросшие горные уступы, – это сад. Вилла – крошечный домик, – точно спрятана со всех сторон, точно провалилась она в цветущую заросль.

– Ты мой друг, – говорит Франц, – самый близкий друг. Ты все знаешь, ты все можешь проникнуть умом и сердцем. Ты мне нужен иногда, как никто в мире. Но я не обманываю себя: понять ты меня не можешь.

Милый, тонкий профиль на сиреневом шелке глициний. Глаза опущены.

– Франц, что ты называешь «понять»?

– Как если б ты был мной... на минуту. Да нет, вернулся в себя – опять забыл. Это – вот эта часть человеческой жизни и существа, – самая забвенная. И друг в друге самая непонятная, если не схожая. Могу встретить человека случайного, далекого, глупого, противного, но который будет понимать. Мы с ним будем «мы»...

– А я с тобой – никогда? – перебил я. – Ты прав, вероятно; если речь о таком понимании. Только видишь ли... Ты слушаешь меня, Франц? Одни, как ты, познали себя; для других, как для меня, все тут загадочно, и я сам не знаю хоро-

шенько, с кем я – «мы». Кажется, не с тобой... Но, кажется, – и не с ними...

– Нигде? – улыбнулся Франц и встал. – Вот уж неправда! Это-то я о тебе знаю, и ты сам знаешь. Но оставим пока. Хочешь, пройдемся? К Дикой скале, вниз?

Неслышно ступая, вошел один из служителей Франца.

– Signor...

Сказал что-то Францу, я не разобрал, хотя по-итальянски знал недурно. Но к сицилианскому их говору еще не привык.

– Вот, не могу, – произнес Франц, слегка пожав плечами. – Джиованне уверяет, что со снимками что-то неладно, которые у меня сушились. Надо пересмотреть. Ты придешь вечером? Перед закатом?

Я обещал. И, взяв шляпу, вышел из сада на ослепительную каменистую тропинку.

Я не живу у Франца. Он устроил меня в знакомой ему семье, у венгерского художника, женатого на немке; красивая вилла по ту сторону городка, Флориола.

Домик Франца, запрятанный так, что ниоткуда его не видеть, называется Рах. А Франц здесь, в этом крошечном городке Vestra – навсегда. Так он говорит, так мне верится, хотя... мне почему-то за него больно, я даже возмущаюсь. Всю жизнь... а есть ли ему 35 лет?

Франц занимается художественной фотографией. Для себя, конечно.

Снимки его действительно прелестны. Почти все сделаны

у него же в саду, а сад этот, с его могучей растительностью, с неизвестными мне подчас, странными деревьями, похож не на сад, а скорее на рай в счастливые дни, до грехопадения.

Франц живет один, – с несколькими служителями. Они же и помощники его. Они же и натурщики, когда он снимает свой райский сад.

Сначала я их не различал: все одеты одинаково, все одного, сицилианского, типа – не совсем итальянского, с какой-то примесью: короткий, прямой нос, и смуглота особая, с золотом. Теперь я знаю и Джиованне, и Джузеппо, и Нино... и как его? самый маленький?

Знаю немножко Бестру, знаю, почему ее именно выбрал Франц, когда, больше двух лет тому назад, решил искать уединения, «навсегда» порвал с семьей и с родиной.

Он мне писал об этой драме. Писал подробно, открыто, не щадя ни себя – ни других. И я хорошо понял, что грубый скандал, разыгравшийся в грубом берлинском обществе (так называемом «лучшем», к нему принадлежал Франц), не мог не быть для Франца «драмой», – и не мог он ее не завершить, как завершил.

Я понял драму. Совсем, совсем, до конца понял. Но ведь за драмой Франца стоит трагедия? Ведь о ней-то и говорил он, что я не могу – как он понимает понимание – ее понять?

Кажется, не могу. Или могу?

IV. Продолжение

Дома я застал вакханалию цветов.

То есть не у меня, не в моих комнатах, а в громадной, полупустой, красивой комнате – салоне-столовой – хозяев. Я туда сразу прошел, хозяйка окликнула меня из лоджии, сверху.

Самого старого венгерца, Мариуса, как всегда, не было. В мастерской, очевидно. Я туда к нему заходил; хорошо, только жара, а ведь еще апрель в начале.

На столах, на стульях, даже на полу, кучами лежали цветы. Всякие, от лилий, – и каких-то странных, голубых, – до полевых и горных асфodelей, фрезий, оранжевых и розовых ромашек. Эти вороха ловко разбирала Клара, с помощью трех прислужниц.

– Идите помогать! – крикнула она, повернув ко мне худое, молодое лицо. Блеснуло *rinse-nez*, с которым она не расставалась. – Это все друзья мои здешние нанесли, нынче ведь день моего рождения... А, дона Чиччия! – перебила она себя, вставая навстречу какой-то дикой сицилианской бабе с очередным снопом красных цветов. Заболтала с ней по-сицилиански.

Хозяйка моя была очень популярна. Но я долго не мог взять в толк, почему и что это, вообще, за семья. Вилла Флориола, едва я вошел, поразила меня гармоничностью линий,

вкусом строгого, скупого, внутреннего убранства. И несколькими картинами, – маслом, сепией, гуашью – женские лица такой прелести, что не верилось в портретность. Произведения Мариуса, пояснила мне хозяйка, фрау Цетте (или Клара, как я мысленно ее называл). Клара эта была, прежде всего, ужасная «немка», с ног до головы: ноги довольно плоские, а белокурые волосы с чуть зеленоватым отливом.

– Наш общий друг, Monsieur von Hallen, находит Флориолу недурной, – сказала она певуче. – Вас здесь ничто не будет оскорблять.

Я сразу понял, что эта немка не просто себе молодая немка, отлично ведущая хозяйство. Хозяйство-то ведет, но она, кроме того, немка с «чтением» и с «запросами». Это по-русски, впрочем, – с «запросами»; по-немецки надо бы как-нибудь иначе, – с «порывами», с «мечтаниями»... практике не мешающими.

Почему, например, говорит она со мной по-французски? При Мариусе мы переходим на немецкий, а чуть вдвоем – она французит. Говорит бегло, акцент небольшой, но интонации голоса глубоко немецкие.

И причем этот Мариус, приземистый, грубоватый, диковатый, с седыми висками? Клара не очень красива, худа, костлява даже немного; однако наружности не неприятной, – птица в пенсне; и совсем молода, тотчас объявила мне, что ей двадцать пять лет.

– Мариус сам строил Флориолу, по своему плану, сам сме-

шивал и краски для каждой комнаты; мы ее выстроили, когда поженились. Ах, она мне дорого стоила! – разоткровенничалась Клара (и это с первого знакомства). – Вот не мечтала, что тут останусь жить. Приехала из Мюнхена ненадолго, с братом-художником... Мариус жил здесь уж давно.

Я заключил из этого, что Мариус был беден, она – богата. Но зачем они поженились – не понимал. Мне было все равно, да уж такой характер: люблю, глядя на людей, как-то их психологически устраивать, о них догадываясь. Часто делаешь неверные догадки; ищешь непременно смысла в людских поступках, а всегда ли он есть?

Тут я решил, что Мариус не влюбился в Клару, сумел как-то обольстить богатенькую молоденькую дурнушку и получил вместе с ней виллу и чудесную мастерскую. А увидев вочию оригиналы Мариусовых рисунков, так меня прельстивших, – каюсь: в первую минуту заподозрил даже, что Мариус завел себе и гарем.

Вышло глупо: нет, три красавицы, – подлинные красавицы! – были самыми несомненными служанками четы Цетте. Вероятно, их выбирали, как годных и для этюдов Мариуса; но только с этой стороны он ими интересовался. Клара учила их работать и обращалась с ними, как строгая мать. Три девушки, – даже девочки: старшей, Марии, едва минуло 16 лет. Пранказии, самой темной и огнеокой – 14. А Джованнине всего 12. Но, Боже мой, как они, все разные, были хороши! Не буду описывать, пусть бы Гоголь... Да и Гоголь спасовал

со своей Анунциатой; кроме того, здесь и не было никаких условных «итальянских», римских, красавиц. Куда Анунциата перед лицом Марии, напоминающей Мадонну какого-то старого испанского художника, или перед ангельским личиком Джованны! Я не мог не подумать, что и Мариус все-таки искажил их, не справился. И я не мог решить, которая лучше. Ну, Бог с ними.

– Вы сегодня будете обедать у нас, – сказала Клара, проворно связывая цветы. Хоть в такие же красивые букеты, то длинные, то широкие, связывали цветы три пары смуглых рук – ворох не уменьшался. После доны Чиччии еще являлись такие же «доны», и все с цветами.

– Придет signor il dottore¹. придут... – Клара назвала несколько лиц из «высшего» местного общества. Да, в Бестре было свое «высшее» общество: древние фамилии сицилианские. Я даже был, с фрау Цетте, с визитом в такой семье – Клара повела меня туда, отрекомендовав, как своего друга, иностранного «барона», интересующегося старинными вещами. Они были мне показаны, но потрясло меня другое: существование, в двадцатом веке, таких людей, с такими обычаями, в таких домах живущих. Каменная лестница, вечная сырость, вечный темный холод: окна никогда не отворяются. На железные узорчатые балконы никто никогда не выходит. Не принято. Мы видели каких-то старых фефел, – я их не различал в сумраке и едва понимал. Барышни не пока-

¹ синьор доктор (*ит.*).

зываются. Впрочем, оне и на улицу не показываются. Гуляют изредка, и только в сумерки, с накинутым на голову кружевом. Гулять не принято. А что было бы, если б какой-нибудь из этих «синьорин» пришло в голову надеть шляпку! Ничего нет более «непринятого». К счастью, синьоринам такой мысли в голову не приходит.

– Когда я их приглашаю обедать, я не зову иностранцев, – продолжала Клара. – Вы – ничего, вы живете в доме. Мы сами иностранцы, но мы уже местные жители. И то наш единственный, кажется, дом, где они бывают. Так вы придете?

Обычно я обедал у себя, внизу, если не у Франца. Но случилось и у хозяев.

– Я... не знаю, – ответил я заплетающимся языком. – У меня... голова болит. Прошу... извините меня.

Дело в том, что цветы меня одолели. Отуманили, одурманили. В сон какой-то погрузили. У меня было ощущение, что я объелся цветами. Полусознательно продолжал их перебирать, однако.

Клара ничего не заметила.

– Приходите! Или вы обещали M-r von Hallen? Я вспомнил, обрадовался:

– Да... Ему обещал... Мадам Цетте, вы меня извините, у меня кружится голова.

– А, это *fiori di Portugaio!*² С непривычки, в комнате...

– Нет, все, кажется, вместе. Как вы этот... цветопад вы-

² цветы Португалии (*ит.*).

держиваете? Она засмеялась. Хлопнула в ладоши и – presto-presto!³ – велела своим девочкам утащить куда-то вороха. Букеты остались. Голова у меня продолжала кружиться. Нет, пойду на воздух! Я встал.

– Je l'aime... Oh, que je l'aime...⁴ – произнес около меня чей-то тихий голос. Это не имело никакого смысла, некому было и говорить, а потому я испугался: бред, что ли, начинается?

– Как жаль, что вы не можете! – сказала Клара. – Вы нам изменяете. Вот и M-r von Hallen – с тех пор, как вы здесь, – Флориола его совсем не видит. Это ваша вина.

Смеясь, погрозила мне пальцем, еще что-то болтала, но я уже не слышал: скорей, на террасу, и дальше, на дорогу. Хорошо бы на свежесть моря, – а то ведь и на воздухе (теперь я чувствую) везде тут пахнет цветами, цветами, цветами...

³ скорее, скорее (*ит.*).

⁴ Я люблю. О, как я люблю (*фр.*).

V. Продолжение

Францу я аккуратно рассказывал мои впечатления от Бестры. Он очень внимательно слушал, сам не говорил ничего, как будто хотел, чтобы я самостоятельно осмотрелся. Как будто выжидал... чего?

В тот вечер, на острой Дикой скале, я ему не без юмора сообщил, как я «объелся» цветами. Потом спросил:

– Что, собственно, эта чета Цетте из себя представляет? Ты их давно знаешь?

По правде сказать, другой вопрос вертелся у меня на языке, поважнее Цеттов: что – они! знаю их три дня, уеду и не вспомню... Меня занимало нечто более важное. Зачем нужен я Францу? Конечно, долгая разлука создает отдаление, сразу не войдешь в полосу открытых разговоров. Надобно время, чтобы даже близость письменную, когда она есть, перевести на разговорную. Но все-таки! Он – спокойнее, чем я ожидал. Драма его, мне известная, как будто отошла в прошлое, а трагедия... он сказал, что я ее не понимаю и не пойму. Зачем я ему нужен? На вопрос о Цетте он ничего не ответил, точно не слышал. Смотрел на высокое море под нами. Из-за ледяной, расплзшейся Этны падали последние лучи заката, море стало совсем муаровым.

– Скучно... – сказал вдруг и обернул ко мне тонкое лицо. Я невольно подумал, – это часто случалось, – что Франц осо-

бенно, одухотворенно красив. Даже не чертами, а Бог вещь чем.

– Ты знаешь, Отто женился, – прибавил он.

Отто – молодой граф Х., из-за которого и разыгралась тяжелая драма Франца. Женился? Я не знал, что сказать и молчал.

– Да, женился. И, главное, очень счастлив. Он мне написал.

– Так что же... – начал я и договорил скороговоркой: – Или ты его еще любишь?

Франц сдвинул брови, лицо его стало жестко. Пожал плечами. И – мне показалось – с сожалением посмотрел на меня:

– Но я думал... ты не поймешь.

– Опять?

– Да. Впрочем, когда-нибудь, может, и поймешь. Не желаю тебе этого.

– Франц, право надоело. Очень хочу понять, уверен, что пойму. И не драпируйся ты в эту тогу непонятого, – передо мной! Я сам давно хотел спросить тебя...

– Потом, потом! – с нетерпением и мучительством перебил Франц. Мы замолчали. Вдруг он, неожиданно:

– Ты, кажется, спрашивал меня о Цетте? Это... примечательная семья. И он... и Клара.

Я поднял глаза. Удивился. Столько доброты, грустной, правда, но почти нежной, было в лице Франца. Впрочем, я знал и эту его черту: он был бесконечно добр к людям, и не

к людям только, а ко всему живому. Он как-то светился весь иногда, – не оскорбляющей, пронзительной добротой – жалостью.

– Она очень несчастна, – сказал он. – Клара.

Я изумился.

– И невинно-несчастлива, – прибавил Франц, вставая. – Но ты...

– Опять и этого не пойму? Нет, Франц, ты просто смеешься надо мной.

Франц и действительно расхохотался, да так весело, что и я, глядя на него, тоже.

Стояли друг перед другом и хохотали. Будто опять два студента в далеком Гейдельберге. Будто не чаша южного моря зеленела перед нами; не темнеющий жаркий воздух дышал на нас бесстыдным запахом «цветов португальских», и не широкая Этна лежала в углу; а серые, свежие гейдельбергские горы смотрели на нас. Милая, чистая, острая свежесть! Сама – как молодость.

VI. Вечер в Рах

Франц жил вовсе не таким отшельником, как я себе сначала воображал. С местными старыми «фамилиями» он, правда, не общался, но в этом глухом скалистом городишке, из одной-единственной улицы состоявшем, было, оказывается, немало иностранцев. Для приезжих имелось два отеля, – очень скверных; но большинство иностранцев – люди не приезжие: по зеленым скатам, там и здесь, лепились белые домики-виллы, а собственниками были богатые люди, заблагорассудившие в Бестре поселиться, – англичане, американцы, немцы... вот французов я что-то не помню. Все жили уединенно, как Франц, но не отшельнически; не чуждались общения между собою, кое-кого я у Франца уже встретил.

Городская улица с обеих сторон заканчивалась древними каменными воротами: Восточными и Западными. Все виллы-домики ютились по крутым склонам вне города, за городскими воротами. В глаза не бросались, иные точно совсем были запрятаны в густую зелень, чуть заметна плоская крыша. От виллы Франца, – Рах – и крыши не видать: скалы заслоняют.

Наша Флориола была, напротив, на скале: низенькая с дороги – она, с другой стороны, была в три этажа. Мой длинный чугунный балкон-галерея висел над провалом, глубоким зеленым скатом. Вдали, за ним, туманилось высокое мо-

ре. Рах был не так близко: к Францу я попадал, пройдя Восточные ворота, всю городскую улицу и ворота Западные, выходящие на Этну. Мог, впрочем, обойти город узкими горными тропами, вдоль города выющимися, но я в них путался, особенно ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.